

УДК 811.161.1

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.26-32

ИМЕНА НУЛЕВОЙ СУФФИКСАЦИИ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Т.А. Корнеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования в поэтических текстах А. Ахматовой узуальных образований нулевой суффиксации. Отмечается, что отсутствие окказиональных образований подобного типа, характерных для языка поэтов начала XX в., и преобладание узуальных имен отличает идиолект А. Ахматовой от поэтического языка современников и вызывает безусловный научный интерес. Обращение к ранней лирике поэта не случайно: с одной стороны, в ней отражаются стремление автора преодолеть традиции символистов и поиски своего самобытного стиля, с другой – ранняя лирика насыщена образованиями нулевой суффиксации по сравнению с более поздними произведениями. Особое внимание уделяется изучению роли имен нулевой суффиксации в организации художественного пространства циклов «Вечер» и «Чётки». Приводятся лексические, словообразовательные, синтагматические, грамматические, стилистические, тропеические и другие особенности производных нулевой суффиксации в данных сборниках. Показывается преимущественное использование имен нулевой суффиксации как средства концентрации смыслов и воплощения особого драматизма лирического монолога поэта.

Ключевые слова: словообразование, нулевая суффиксация, текстообразующая функция, пропозиция, поэтическая речь, троп, фигура речи

«Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение» (из записной книжки А. Блока, 1906 г., см. [1]). Высказывание А. Блока как нельзя лучше характеризует принцип организации художественного пространства поэтического произведения и ведущую роль в ней образований определенного типа. Изучение особенностей поэтического языка ранних сборников А. Ахматовой «Вечер» (1912) и «Чётки» (1914) обнаруживает в них значительное число имен нулевой суффиксации, служащих средством концентрации смыслов и воплощения особого драматизма лирического монолога поэта. В отличие от поэтов-современников, у А. Ахматовой отсутствуют окказиональные новообразования в сфере имен нулевой суффиксации, однако присутствие практически в каждом стихотворении данных сборников узуальных производных нулевой суффиксации позволяет говорить о текстообразующей функции имен подобного типа в ранней лирике поэта.

К основным группам имен нулевой суффиксации в сборниках А. Ахматовой «Вечер» (А.А., с. 9–42) и «Чётки» (А.А., с. 43–75) – при условности данной классификации – следует отнести имена со следующими значениями: 1) отвлеченного действия (мужского рода: *крик, бред, шелест, разговор, стон, плач, бег, звон*; женского рода на *-а*: *встреча, охота, беседа, работа*; женского рода с нулевым окончанием: *дрожь, исповедь*, существительное группы *pluralia tantum похороны*); 2) отвлеченного состояния (мужского рода: *испуг, недуг, голод, покой, стыд, страх*; женского рода: *тревога, тоска, скука, мука, истома*); 3) отвлеченного признака (мужского рода: *зной, мрак*; женского рода: *тьма, прохлада, отрада, твердь, тишь, муть, даль, гарь, гладь*; среднего рода: *тепло*); 4) отвлеченного понятия (мужского рода: *обман, почет, напев, сон, обет, грех, запах, взор, приказ, рассказ*; женского рода на *-а*: *вина, слава, пощада*; женского рода с нулевым окончанием: *ложь, мысль, мечта, разлука, примета*; среднего рода: *лихо*); 5) единичного акта (*взгляд, удар*); 6) с конкретно-предметным значением (*постель, одежда, навес*); 7) орудия действия (*заступ, жало, оковы*), 8) места действия (*ограда, огород, вход, сад, залив, прорубь, ложа, ложе, прибой, просторы*); 9) неодушевленного предмета – субъекта действия (*покров*); 10) результата действия (мужского рода: *загар, укол, излом*; женского рода на *-а*: *добыча, победа, утрата, отравка*; женского рода с нулевым окончанием: *надпись*); 11) неодушевленного предмета, который характеризуется действием, названным мотивирующим глаголом (*награда, счет*); а также слово категории состояния *жаль* и прилагательное *золотой*.

Немаловажную роль имена нулевой суффиксации играют в плане организации художественного пространства ранней лирики А. Ахматовой. Прежде всего, они нередко выносятся поэтом в название стихотворения: «Обман», «Похороны», «Надпись на неоконченном портрете», «Сад», «Исповедь», наряду с другими отглагольными существительными с отвлеченной семантикой: «Первое возвращение», «Подражание И.Ф. Анненскому», «Смятение», «Прогулка», «Отрывок». С именами нулевой суффиксации связаны основные образы сборников: *тоска* (10 случаев употребления слова), *запах* (8 случаев), *крик* (7 случаев), *боль* (7 случаев), *жаль* (5 случаев).

Во многих стихотворениях ранних сборников А. Ахматовой имена нулевой суффиксации становятся теми словами, «на остриях которых» (по словам А. Блока) разворачивается художественная ткань повествования. Это следующие стихотворения: «Три раза пытать приходила» (*крик, тоска, разлука, дрожь, ложе, ложь*), «Сероглазый король» (*слава, боль, охота, жаль, абота*), «Рыбак» (*запах, загар, взор, тоска*), «Надпись на неоконченном портрете» (*излом, грех, вина*), «Сладок запах синих виноградин...» (*запах, даль, жаль, боль*), «Сад» (*сад, покой, сон, крик*), «Меня покинул в новолуние» (*утрата, тоска, ложа*), «Отрывок» (*тоска, уколы, стыд*, а также этимологический девербатив *гроб* (РЭС, с. 112) и суффиксальное отглагольное образование *удушье*), «Не будем пить из одного стакана» (*испуг, недуг, встреча, покой, страх*, наряду с суффиксальными отглагольными образованиями *дыханье, забвение*), «Я с тобой не стану пить вино» (*тишь, гладь, приказ*), «Будешь жить, не зная лиха» (*лихо, удача, почет, плач*).

Образование нулевой суффиксации *тоска* в стихотворении «Углём наметил на левом боку» используется для создания образа *птицы-тоски*, который рефреном проходит через все произведение (*Чтоб выпустить птицу – мою тоску, Вылетит птица – моя тоска* (А.А., с. 61)).

На основе паронимической аттракции сближаются в стихотворении «Ты три раза пытаться приходила» имена нулевой суффиксации *ложе* и *ложь* (*Все тело мое изгибалось, / Почувствовав смертную дрожь, / И плотная сеть паутины / Упала, окутала ложе... / О, ты не напрасно смеялась / Моя непрощенная ложь* (А.А., с. 31)). В этом же стихотворении образуют словосочетание с родительным определительным падежом существительные *крик* и *тоска* (*Я с криком тоски просыпалась*). А в стихотворении «Я научилась просто, мудро жить» в предложении следуют друг за другом слова *тишь* и *крик*. Первое заканчивает стихотворную строку, а второе – начинает (*Лишь изредка прорезывает тишь / Крик аиста* (А.А., с. 59)).

В стихотворении «Ты знаешь, я томлюсь в неволе» имена нулевой суффиксации объединены в ритмической фигуре многосоюзия (полисиндетона): *В полях скрипучие воротца, / И запах хлеба, и тоска. / И те неяркие просторы, / Где даже голос ветра слаб, / И осуждающие взоры / Спокойных загорелых баб* (А.А., с. 61).

Нередко в сборниках «Вечер» и «Чётки» имена нулевой суффиксации образуют рифму: *восходе – огороде* (*Я на солнечном восходе / Про любовь пою, / На коленях в огороде / Лебеду пою*. «Песенка» (А.А., с. 26)); *просторы – взоры* (см. выше) («Ты знаешь, я томлюсь в неволе» (А.А., с. 61)); *приметы – обеты* (*Как будто копил приметы / Моей нелюбви. Прости! / Зачем ты принял обеты / Страдальческого пути? «Высокие своды костёла»* (А.А., с. 57)); *почет – счет, удача – плача* (*И во всем тебе удача, / Ото всех почет, / Ты не знай, что я от плача / Дням теряю счет*. «Будешь жить, не зная лиха» (А.А., с. 68)).

В цикле «Белая стая» (1917) (А.А., с. 76–132) количество используемых имен нулевой суффиксации сокращается примерно на одну треть, однако основные поэтические приемы, характерные для первых сборников, сохраняются и совершенствуются. Несколько уменьшается число отглагольных существительных нулевой суффиксации, вынесенных в название стихотворений: «Ответ», «Побег», «Разлука», но они так же преобладают над суффиксальными образованиями с материально выраженной морфемой («Уединение», «Утешение»).

К основным типам имен нулевой суффиксации, преобладающим в этом сборнике, следует отнести типы со следующими значениями: 1) отвлеченного действия (*побег, забота, смех, беседа, измена, бред, плач, стук, трепет, суд, ласка, ответ, поклон, встреча, кашель, зов, шум, крик, игра, хвала, потеха, помыслы*), 2) отвлеченного состояния (*тревога, истома, тоска, печаль, страсть, гнев, досада, страх, восторг, лень, покой, прохлада, скука, боль, дрожь, отрада, разлука, сое, мука, недуг*), 3) отвлеченного понятия (*вера, воля, дума, запах, награда, ноша, дар, совет, грех, блеск, обряд, взор, вид, мор, слава, гарь*). Реже встречаются существительные со значением: 4) результата действия (*уговор, победа, отравка*), 5) лица (*сторож, трус*), 6) места (*сад, ограда, ложе*), 7) отвлеченного признака (*тишь, жар, тепло, тьма*), 8) орудия действия (*завеса, оковы*), 9) с субъектным значением (*покров*). Единично прилагательное *золотой*, слово

категории состояния *жаль*, появляются сложные слова с нулевым элементом конфикса (*ледоход, водопад*).

Имена нулевой суффиксации *встреча* и *стук* рефреном повторяются в стихотворениях «О тебе вспоминаю я редко» (*Но с души не стирается метка / Незначительной встречи с тобой. <...> И предчувствую встречу вторую, / Неизбежную встречу с тобой* (А.А., с. 96)), «Вижу, вижу лунный лук» (*Слышу, слышу ровный стук / Неподкованных копыт. <...> Снова стук. То бьется так / Сердце теплое мое* (А.А., с. 110)). Как и в предыдущих сборниках, имена нулевой суффиксации используются в конструкциях с беспредложным управлением: *восторг хвалы* («Царскосельская статуя» (А.А., с. 79)) – или в функции подлежащего и сказуемого: *вера – сон* («Высокомерьем дух твой помрачен» (А.А., с. 93)). Как правило, в «Белой стае» образования нулевой суффиксации входят в состав синтаксических фигур бессоюзия: *И я, больная, слышу зов, / Шум крыльев золотых* («Так раненого журавля»), многосоюзия или их сочетания: *Оттого мы любим строгий, / Многоводный, темный город, / И разлуки наши любим, / И часы недолгих встреч* («Божий ангел, зимним утром» (А.А., с. 95)), *Ждите глада, и труса, и мора, / И затмения небесных светил* («Июль 1914» (А.А., с. 105)), *Что ни ревность, ни гнев, ни досада / Молодое не тронут чело* («Целый год ты со мной неразлучен» (А.А., с. 89)). Однако чаще имена нулевой суффиксации оказываются связаны одиночным союзом: *Гранитный город славы и беды* (с антонимией, «Ведь где-то есть простая жизнь и свет» (А.А., с. 95)), *Пусть их забота и печаль минует* («Уединение»), *Я знаю, ты моя награда / За годы боли и труда* («Я знаю, ты моя награда» (А.А., с. 126)).

Неоднократно имена нулевой суффиксации встречаются в стихотворениях «Целый год ты со мной неразлучен» (*гнев, досада, ласка, бред*), «Не в лесу мы, довольно аукать» (*заботы, кашель, жар*, а также сложение *ледоход*), «Ответ» (*ответ, звон, смех, разлука, мука*), «Ведь где-то есть простая жизнь и свет» (*беседа, обряд, слава, беда, сад*), «Июль 1914» (*гарь, трус, мор, потеха, запах, плач, тепло*), «Молитва» (*недуг, жар, дар, слава*), «Нет, царевич, я не та» (*бред, тоска, совет, грех*), «Я знаю, ты моя награда» (*награда, боль, труд, отрада*), «Город сгинул, последнего дома» (*гарь, завеса, ноша, оковы*). Уменьшается количество стихотворений, в которых образования нулевой суффиксации образуют рифмованные строки: *жаль – печаль* («Песня о песне»), *отравы – славу* («Тяжела ты, любовная память!»), *разлукой – мукой* («Ответ»), *сад – оград* («Сон»), *скуки – разлуки* («Двадцать первое. Ночь. Понедельник»).

В работе «О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски)», посвященной своеобразию индивидуально-поэтического стиля поэта, В.В. Виноградов отмечает лексическую «скудость» лирики А. Ахматовой как преодоление символистической словесной роскоши, использование привычных словосочетаний разговорно-интеллигентской речи и вместе с тем окутывание их «сложную сетью стилистических ухищрений» [2, с. 376]. Особенности жанра – «формы «интимного» письма, обрывков дневника, короткой новеллы, как бы вырванной из дружеского рассказа», что обуславливает господствующий тип символов в ее поэзии – это «символ-фраза, то есть организованная в грамматическое единство группа слов, соответствующая одному сложному, нерасчлененному представлению» [2, с. 373]; переполненность вещными именами («вереницы

вещных символов, употребление которых явно метафорично», «“вещи” “кивают” у ней не друг на друга, а только на героиню», «при их посредстве передаются ее эмоции: вещи условно-символистически прикреплены к воспроизводимому мигу» [2, с. 400]). К особенностям жанра также можно отнести «метод семантических нюансировок привычных символов, обостряющий их восприятие необычайным в повседневной речи грамматическим перемещением» [2, с. 401], метафоры, которые «обнимают целые предложения и даже их цепи», определения-эпитеты, «когда они осуществляют эмоциональные диссонансы, будучи вклинены (если можно так сказать) с контрастной внезапностью, противореча своему определяемому или по непосредственно этимологическому смыслу» [2, с. 383].

Эти черты поэтического стиля А. Ахматовой проявляются и в особенностях словосочетаний и предложений с именами нулевой суффиксации. Как правило, образования нулевой суффиксации используются поэтом при создании конкретных образов: слуховых (*крик ворон, тихий разговор, грянул гром, предсмертный бред, напев простой, шорохи, удары бубна, стоны звонкие, звонкие вопли*), зрительных (*взгляд, кирпичи за оградой, несмятая постель, побелев от боли, обледелый сад, жало осы, солнечный восход*), кинесических (*на коленях в огороде, столько поклонов... положено*), обонятельных ([*запах*] *спелой ржи, хлеба, табака, морского каната, бензина и сирени, сладкий запах роз, пахнет гарью*), эмоциональных (*тоска, причины горя, тревога, истома, жажда, страсть, еще не названная мука, ревность, гнев, досада, ужас, восторг, отрада, томная лень, радостна прохлада*). Синкретизм семантики поэтического слова раскрывается в метафорических сочетаниях: *грусть весны, душистый хмель в сердце, дрема левкоя, вор, украсивший сердце, вернет добычу, тревога путь пресекла, путь тоски*; в персонифицированных образах птицы-тоски («Углем наметил на левом боку»), любви («Любовь покоряет обманно», в стихотворении используются лексемы *напев, отравы ‘чары’*); оксюморонах: *бесславная слава*, («Тяжела ты, любовная память!»), *заветная ложь* («Ты письмо мое, милый, не комкай»); эпитетах (*мы хотели муки жалающей, легкий звук, невозможна грусть, неверный бег, желтая муть, заветная ложь, медлительная истома, трудный кашель, вечерний жар, незначительные встречи, неизбежная встреча, жестокая и юная тоска, внезапная тоска, взор беспомощно-туманный* и др.). Метафорическому переосмыслению подвергаются конкретно-бытовые образы: *И часы с кукушкой ночи рады, / Всё слышней их четкий разговор* («Здесь все то же, что и прежде» (А.А., с. 59)), образы природы: *Память о солнце в сердце слабеет. / Что это? Тьма? / Может быть!.. За ночь прийти успеет / Зима* («Память о солнце в сердце слабеет» (А.А., с. 16), тьма на земле и в душе).

Имена нулевой суффиксации и прежде всего девербативы при кажущейся фоновой простоте являются сложными структурными, лексическими и логическими образованиями, представляя собой полупредикативные единицы со свернутой пропозицией. Как отмечает Н.Г. Долженко, «девербатив самостоятельно или совместно со своими актантными распространителями репрезентирует по меньшей мере целую ситуацию, целое событие, чаще же это целый комплекс взаимосвязанных событий и ситуаций» [3, с. 74]. Использование данных лексем в поэтической строке осложняет ее семантику, тем более если в строфе подобных образований несколько. Это способствует предельной концентрации

смыслов в ограниченном строфой и стихом лирическом пространстве, придает особый драматизм произведению. Вместе с тем насыщенность стихотворений образованиями нулевой суффиксации характерна прежде всего для ранней лирики А. Ахматовой и, возможно, связана с поиском своего самобытного стиля, поиском особых средств «скупого» выражения предельно обостренных чувств лирической героини.

Изучение особенностей функционирования узуальных имен нулевой суффиксации в художественном тексте позволяет исследовать их семантический и текстообразующий потенциал в сопоставлении с другими типами производных образований.

Источники

- А.А. – *Ахматова А.А.* Лирика / Сост. и подгот. текста В. Черных. – М.: Худож. лит., 1989. – 415 с.
- РЭС – *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 12 (*грак I-дбать*). – СПб.: Нестор-История, 2018. – 376 с.

Литература

1. *Блок А.* Дневники. – URL: <http://silverage.ru/blokdnevnik/#st3>, свободный.
2. *Виноградов В.В.* О поэзии Анны Ахматовой (стилистические наброски) // Поэтика русской литературы: Избранные труды. – М.: Наука, 1976. – С. 367–459.
3. *Долженко В.Г.* К вопросу о семантических моделях русского полипропозитивного предложения // Вестн. Югор. гос. ун-та, 2016. – Вып. 1. – С. 73–78.

Поступила в редакцию
12.03.2020

Корнеева Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: tatyana.tak1110@gmail.com

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.26-32

Nominals with Zero Suffixation in Anna Akhmatova's Early Poems

T.A. Korneyeva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: tatyana.tak1110@gmail.com

Received March 12, 2020

Abstract

Zero suffixation in Anna Akhmatova's poetic texts was studied. The textual analysis of A. Akhmatova's early poems rich in nominals with various types of zero suffixation was performed. Comparison with her later poems was carried out. On the one hand, this approach shows A. Akhmatova's desire to overcome the traditions of symbolism and her attempts to develop an original style. On the other hand, nominals with zero suffixation clearly prevailed in A. Akhmatova's early poems as compared with the later works. Particular attention was paid to the role of nominals with zero suffixation in the poetic space organization of two poetry collections: "Evening" ('Vecher') and "Beads" ('Chetki'). We considered lexical, word-building, syntagmatic, grammatical, stylistic, tropeic, and other features of derivatives of zero suffixes in these poetry collections. It was revealed that nominals with zero suffixation were mainly used as a means of concentration of meanings and embodiment of the special drama of the poet's lyrical monologue. The results of the research are important for expanding the knowledge on the text-forming function of word formation and, in particular, nominals with zero suffixation.

Keywords: word formation, zero suffixation, text-forming function, proposition, poetic speech, trail, figure of speech

References

1. Blok A. *Dnevnik* [Diaries]. Available at: <http://silverage.ru/blokdnevnik/#st3>. (In Russian)
2. Vinogradov V.V. On Anna Akhmatova's poetry (stylistic essays). In: *Poetika russkoi literatury: Izbrannye trudy* [Russian Literature Poetics: Selected Works]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 367–459. (In Russian)
3. Dolzhenko V.G. About semantic models of the polypropositive sentence in Russian. *Vestnik Yugorskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2016, no. 1, pp. 73–78. (In Russian)

Для цитирования: Корнеева Т.А. Имена нулевой суффиксации в ранней лирике Анны Ахматовой // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 5. – С. 26–32. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.26-32.

For citation: Korneyeva T.A. Nominals with zero suffixation in Anna Akhmatova's early poems. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 5, pp. 26–32. doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.26-32. (In Russian)